

Г. Е. Дубровин
Институт археологии РАН, Москва, Россия. gendub@mail.ru
А. В. Вяземский
Институт археологии РАН, Москва, Россия. vjazemskiy@gmail.com
К. М. Денисевич
Институт археологии РАН, Москва, Россия. ostrogski91@gmail.com

КОММЕНТАРИИ К БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ № 1122/1123 С РАСКОПА ДМИТРИЕВСКИЙ III В НОВГОРОДЕ

В предлагаемой статье делается попытка идентификации персонажей, упомянутых в качестве должников в берестяной грамоте № 1122/1123 первой половины XV в., представляющей собой черновик завещания некоего Прокопия. Среди них выявлены исторические личности, известные по летописям, актовому и сфрагистическому материалу. Установлена связь автора завещания и некоторых его должников с Двинскими землями.

Ключевые слова: берестяная грамота, Новгород, черновик завещания, Двинские земли

Берестяная грамота № 1122/1123 была найдена в 2020 г. на Дмитриевском III раскопе, который располагался в 60 м югу от Новгородского академического театра драмы им. Ф. М. Достоевского или, в соответствии с топографией средневекового Новгорода, в северной части Неревского конца между улицами Яковлевой и Досланей. Юго-Восточный угол раскопа Дмитриевский III стыковался с двумя квадратами в северо-западном углу раскопа Дмитриевский I, работы на котором проводились под руководством Б. Д. Ершевого в 1976 г. (Рис. 1, 2).

Грамота была обнаружена в напластованиях первой половины (после 1420 г.) – середины XV в. на усадьбе В в постройке Дм.3-2 (Рис. 2). Среди сопутствующих находок актовая печать Великого Новгорода, шахматная фигурка – ладья, янтарный нателный крест, серебряная монета новгородка, а также ординарные бытовые предметы.

Грамота № 1122/1123 представляет собой черновик завещания некоего Прокопия с подробным перечнем должников.

Приводим ее текст по А. А. Гиппиусу:

прокопью · на есипи на васильеви
сны · полъ четворта рубля · на черни-
цини оулицы · на илинархи и на его
брати на ивани на ивлелихъ
дитехъ · три рубли
на костьки · на онань
ини дви гривни · да
лубъ соли па[т]ерике
да два полти · на пугви-
ци · на си дѣтехъ ·
полтина · да коро-
бья ржи · на Осташки
на его дѣтехъ · полтина

...

...кѣ

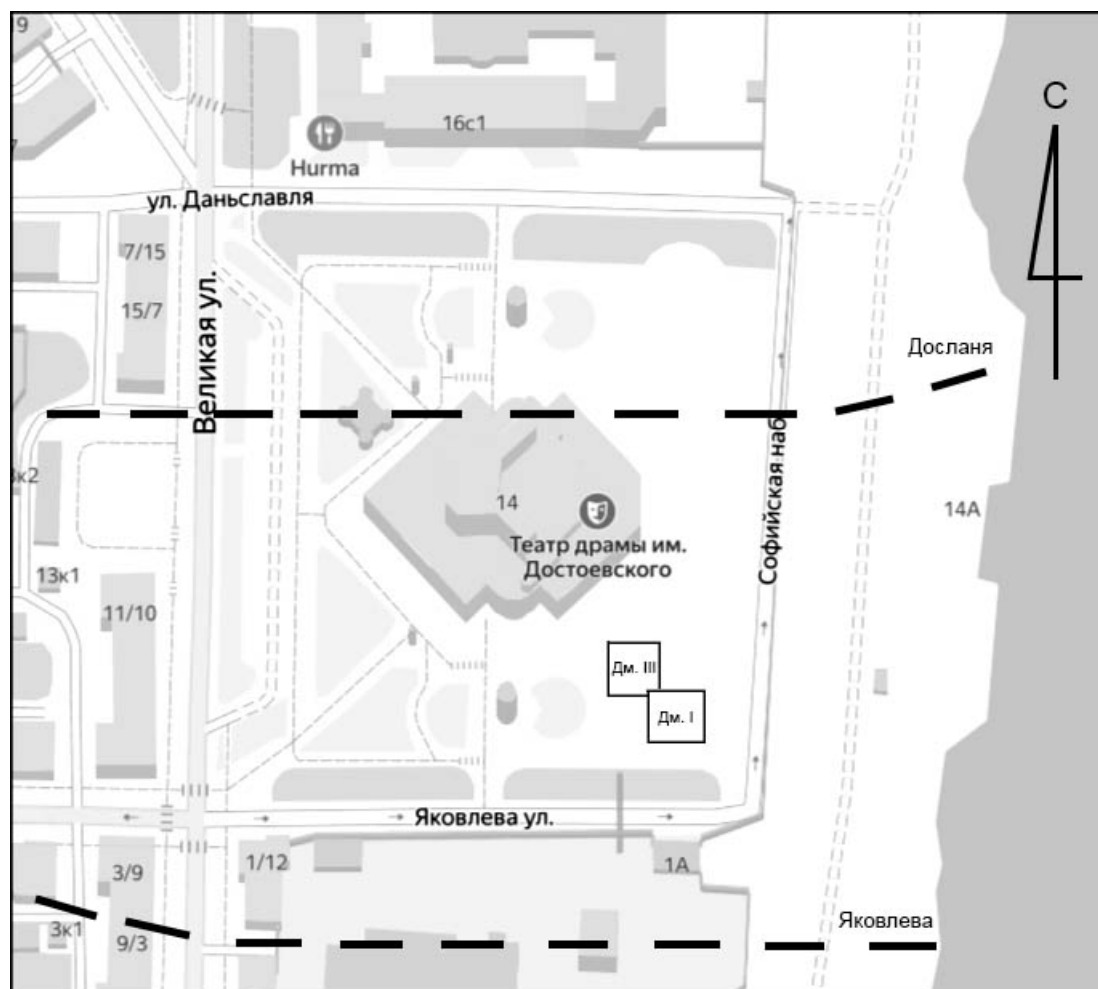

Рис. 1. Ситуационный план раскопов Дмитриевский III (2020) и Дмитриевский I (1976)

(- на м)а[кс]имкови б[ра](т)и
 полторы гривны купъ
 на сести на м[о]с[е]и на Ѡвдо
 ты · полтина (· а) [прик]азъ
 ваю затю своему марту
 шу · на єнии жени
 на мавури · полтори гри
 вни полъ третъи гри
 вны ∴ [Гиппиус, 2021]¹.

Целью нашего исследования является попытка идентифицировать персонажей, представленных в тексте данной берестяной грамоты.

1) прокопью · на єсипи на васьиєви
 сны · полъ четворта рубля ·

¹ Пользуемся случаем поблагодарить Алексея Алексеевича Гиппиуса, любезно предоставившего текст своей статьи еще до публикации и оказавшего существенную консультативную помощь в процессе подготовки настоящей работы.

Рис. 2. Сводный план раскопов Дмитриевский III (2020) и Дмитриевский I (1976)

Упомянутый в данном фрагменте текста Есип Васильев, задолжавший Прокопию 3,5 рубля, может быть сопоставлен с известным по письменным источникам Есифом Васильевичем Носовым (упом. 1435–1456 гг.)² – представителем династии плотничьих бояр³, посадников и тысяцких – одной из ветвей Михалковичей – потомков прусского посадника Михалки Степановича, сыном и внуком тысяцких и посадников соответственно Василия Есифовича Носа и Есифа Захарьинича Носа, племянником посадников Фомы Есифовича и Афанасия Есифовича Свеклы [Дубровин, 2016, с. 159–160, 168–175, 496–497] (Рис. 3, 4).

Однако сам Есиф Васильевич посадником, скорее всего, не был, поскольку, во-первых, он не представлен в посадничьих списках, а во-вторых, в источниках новгородского происхождения Есиф нигде не фигурирует в этом качестве.

² Хотелось бы подчеркнуть, что все приведенные в статье сопоставления имен героев берестяной грамоты № 1122/1123 с персонажами, представленными в других документах, являются гипотезами, поэтому вовсе не исключается возможность случайных совпадений с лицами, не упомянутыми в известном на сегодняшний день круге письменных источников или же упомянутыми там «в неполном» виде, то есть, например, без отчества и т. д.

³ Сохранивших, однако, связи с Прусской улицей.

В 1435 г. он, как воевода, принимал участие в походе новгородцев вместе с рушанами и жителями Порхова на Ржеву⁴; в 1441–1442 гг. Есиф Васильевич в качестве сына посадничьего входил в состав новгородской делегации на мирных переговорах с великим князем литовским Казимиром IV Ягеллончиком⁵; в 1440-е гг. он упоминался в качестве послуха в рядной грамоте о нападения на ловцов на р. Выге в Обонежье⁶, где, вероятно, у Есифа Носова были земельные владения.

В начале февраля 1456 г. Есиф Васильевич Носов был убит под Русой во время войны Новгорода с великим князем Василием Васильевичем Темным⁷. Примечательно, что, в отличие от новгородской Летописи Авраамки, где Есиф Носов в этом эпизоде назван среди бояр, в Московском летописном своде и в псковских летописях он фигурирует как посадник⁸.

1. прокопью · на єсипи на васильєви
сны · поль четворта рубля ·

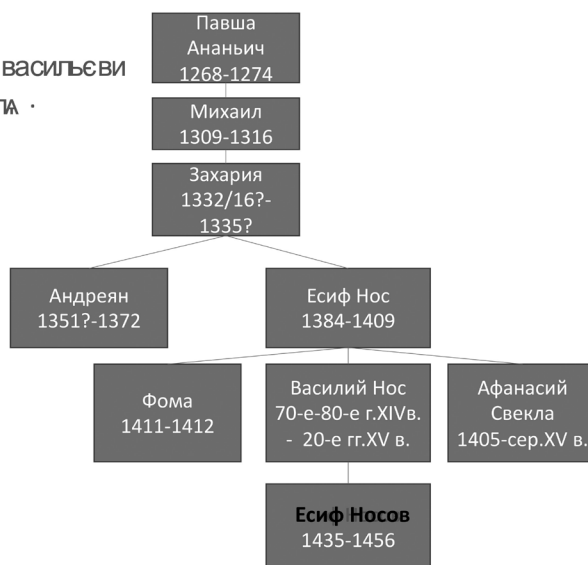

Рис. 3. Родословная Есифа Васильевича Носова

2) на Черни-
цини оулицы · на Илинархи на его
брати на Ивани на Ивелеихъ
дитехъ · три рубли

В этом отрывке представлены два брата Иевлих (Иевличей или сыновей Иова): Илинарх (Иринарх) и Иван, – проживавшие на Черницыной улице, то есть в Людином конце. Они были должны Прокопию 3 рубля.

Однако, по-видимому, был еще один брат Иевлич. Он упомянут в берестяной грамоте № 532, найденной в 1976 г. на Дмитриевском Граскопе, располагавшемся рядом с Дмитриевским

⁴ ПСРА. М., 2000. Т. 3. С. 417–418.

⁵ ГВНП. С. 115–116. № 70; датировка по В. Л. Янину [Янин, 1991, с. 177–179].

⁶ ГВНП. С. 290–291. № 290; датировка по В. Л. Янину [Янин, 1991, с. 245–246].

⁷ ПСРА. М., 2000. Т. 16. Стб. 194–195.

⁸ ПСРА. М., 2004. Т. 25. С. 275; М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 53; М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 49, 141.

III, и приблизительно в том же ярусе, что и берестяная грамота № 1122/1123⁹, но на соседней усадьбе (Рис. 2).

В грамоте № 532 представлен долговой список, где фигурирует некий Марьян Иевлев, который должен неизвестному лицу полтину с гривной и стоимость «семка»¹⁰.

Хронологическая и территориальная близость грамот № 1122/1123 и 532 также свидетельствует о том, что, по-видимому, в обоих текстах речь шла о членах одной семьи Иевличей. То есть предположительно мы имеем трех сыновей некоего Иова: Марьяна, Иринарха и Ивана.

Попробуем определить, кто из персонажей по имени Иов, известных из других источников, мог бы быть отцом указанных братьев.

Вариант I. Иов Тимофеевич – новгородский боярин и двинский посадник, известный по правой грамоте о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев¹¹.

Эта грамота дана от имени двух двинских посадников: упомянутого Иова Тимофеевича и Якова Федоровича (в дальнейшем новгородского посадника). Она датируется первой четвертью XV в. до 1418 г.¹²

При грамоте сохранилась печать Иова Тимофеевича с двусторонним текстом без обозначения должности (последняя указана в тексте самой грамоты).

Следует отметить, что Иов Тимофеевич новгородским посадником не был, так как в этом статусе он отсутствует в посадничьих списках и других источниках¹³. По-видимому, Иов был прислан в Двинские земли как уполномоченный представитель новгородской администрации, где и исполнял должность двинского посадника в первой четверти XV в. Никаких данных о его дальнейшей судьбе нет.

Двинская деятельность Иова Тимофеевича вовсе не исключает того, что основным его местом жительства был Новгород, поэтому пребывание его сыновей на Черницыной улице во время составления завещания Прокопия вполне возможно.

Кроме того, двинское посадничество Иова может являться еще одним свидетельством связи берестяной грамоты № 1122/1123 с Подвиньем, о чем речь пойдет ниже.

Вариант II. Иов – новгородский тиун, известный исключительно по своим многочисленным (не менее 27) актовым печатям, найденным на Городище и в Новгороде, а также в Старой Руссе [Янин, 1970, с. 105, 106, 207–208, 238, 241; Янин, Гайдуков, 1998а, с. 96, 98, 99, 200; Янин, Гайдуков, 1998б, с. 353; Янин, Гайдуков, 2000, с. 305–306; Янин, Гайдуков, 2001, с. 193; Гайдуков, Янин, 2004, с. 159]. К сожалению, почти все его печати относятся к подъемному материалу и не имеют стратиграфической даты. Исключением являются печать с Троицкого VI раскопа, которая может быть датирована 90-ми гг. XIV в.¹⁴, и две печати

⁹ То есть она должна иметь датировку, близкую к берестяной грамоте № 1122/1123, хотя авторы раскопок и публикаторы на сайте gramoty.ru относят ее к 1380–1400 гг. (URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/532/> (дата обращения: 20.01.2022)).

¹⁰ *оу марьяна оу ивля полтина да гривна и семьку цѣна* (URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/532/> (дата обращения: 20.01.2022)). По мнению А. А. Гиппиуса, под «семком» здесь следует понимать так называемую «малую семницу», которая, в отличие от «большой семницы», соответствующей семи сорочкам беличьих шкурок (равнявшихся по стоимости одной гривне серебра), равнялась семи беличьим шкуркам (см. также: [Гиппиус, 2017, с. 29–34]) и, соответственно, стоила в 40 раз меньше (то есть 1/40 гривны серебра).

¹¹ ГВНП. С. 148. № 92.

¹² Датировка по В. Л. Янину [Янин, 1991, с. 302].

¹³ Хотя В. Л. Янин, а за ним и А. С. Хорошев в некоторых случаях относили его к посадникам Славенского конца. Но доказательства этого утверждения в их публикациях отсутствуют [Янин, 2003, с. 342; Хорошев]. Более того, В. Л. Янин в другой своей работе прямо называет Иова Тимофеевича двинским посадником, ничего не говоря о его новгородском посадничестве [Янин, 1991, с. 302].

¹⁴ Благодарим Наталию Николаевну Фараджеву за помощь в датировке этой находки.

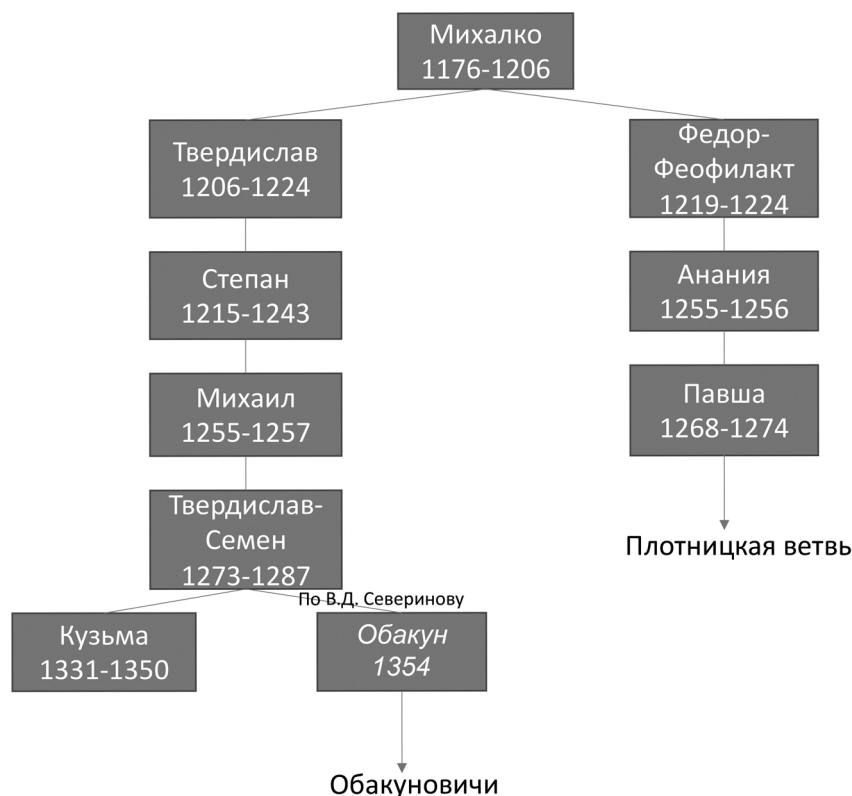

Рис. 4. Михалковичи – потомки Михалки Степановича

из Старой Руссы, найденные в напластованиях последней трети XIV – первой половины XV в. [Торопова и др., 2014, с. 135, 138] (см. ниже).

Был ли он боярином – неизвестно (на всех легендах печатей отсутствует отчество их владельца, что вообще характерно для новгородских тиунских булл). Но если и нет, то в долговых текстах (в частности, входящих в завещания) в некоторых случаях для большей определенности отчества указывались и у лиц явно небоярского происхождения, поэтому отцовство тиуна Иова (боярина или нет) вполне возможно.

Вариант III. Иов Обакунович – боярин новгородский (упом. 1380–1387 гг.). Посадником не был, но выполнял дипломатические поручения: в 1380 г. среди прочих бояр входил в состав делегации владыки Алексия к великому князю Дмитрию Ивановичу; в 1386 г. во время похода на Новгород Дмитрия Ивановича Иов вместе с боярином Иваном Александровичем участвовал в мирных переговорах с великим князем, но безуспешно; 1387 г. в составе новгородской делегации он ездил с владыкой Иоанном на его поставление в Москву¹⁵.

Если же говорить об Иове Обакуновиче как о возможном отце братьев Иевличей, то здесь есть одно обстоятельство, которое работает как за, так и против этой гипотезы. Дело в том, что если из трех братьев Иевличей ни Марьян, ни Иринарх ни в каких письменных источниках не упоминаются, то полный тезка Ивана Иевлича, боярин и впоследствии посадник, которого В. Н. Бернадский, а за ним В. Д. Северинов считали сыном Иова Обакуновича [Бернадский, с. 192; Северинов, с. 74, 76], фигурирует в летописном рассказе о восстании Степанки 1418 г.

Там, в частности, говорится о том, что восставшие после разгрома прибрежной части Яневой улицы и усадьбы неревского боярина Ивана Даниловича Божина внука

¹⁵ ПСРА. Т. 3. С. 376, 381–382; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 342, 345.

на Кузьмодемьянской улице переместились на Чудинцеву улицу, где пограбили усадьбу некоего Ивана Иевлича (далее – И.И.1418), а затем Никольский монастырь на Поле в конце Чудинцевой улицы, где находились боярские житницы¹⁶.

И.И.1418, живший на Чудинцевой улице, был боярином Загородского конца, то есть он относился к прусской боярской группировке юго-западной части Новгорода, куда входили Прусская улица с Загородским концом и в какой-то степени Людин конец. Группировка была связана родственными и политическими отношениями с Плотницким концом и вместе с ним образовывала, в свою очередь, прусско-плотницкую группировку.

И.И.1418 фигурирует в посадничьем списке Б¹⁷, что позволило В. А. Янину, оценив его место в указанном списке, отнести И.И.1418 к посадникам, получившим свой статус в 1416–1418 гг. [Янин, 2003, с. 328–329, 332–338]. Поскольку в летописной статье о восстании Степанки он не назван посадником, можно полагать, что посадничество И.И.1418 получил после реформы 1418–1419 гг., последовавшей за этим восстанием и увеличившей число посадников до 12 [Янин, 1991, с. 50–51].

Кроме того, В. А. Янин, на основании сопоставления отрывков из окончательной и первоначальной редакций поздней Забелинской летописи, опубликованных С. Н. Азбелевым¹⁸, выдвинул гипотезу, что И.И.1418, представленный в окончательной редакции этой летописи среди ктиторов Павлова монастыря на Славне (да еще и названный князем!)¹⁹, в действительности мог быть связан со строительством в 1421/1422 г. храма Воскресения Христова в Благовещенском монастыре (на Мячине) или Иоанна Милостивого в Людином конце на Воскресенской улице (в Воскресенском монастыре на Мячине же), упомянутых в первоначальной редакции Забелинской летописи [Янин, 1981, с. 154, примеч. 82].

Однако Летопись Авраамки приводит имя строителя храма Воскресения Христова – это боярин Давыд Дмитриевич²⁰. Следовательно, И.И.1418, скорее всего, мог иметь отношение к возведению церкви Иоанна Милостивого, что подтверждается совпадением его имени с именем патронального святого указанного храма.

В этом случае следует обратить внимание на территориальную близость Воскресенского монастыря к месту жительства Ивана Иевлича из берестяной грамоты № 1122/1123, то есть к Черницыной улице, что дает еще один аргумент в пользу его отождествления с И.И.1418.

Относительно же несовпадения адресов этих двух персонажей можно предположить следующее.

1. Могла быть просто ошибка автора (писца?) черновика завещания Прокопия, который перепутал фонетически схожие названия новгородских улиц (Чудинцеву и Черницыну). Объяснение самое простое, но неубедительное.

2. К моменту написания берестяной грамоты № 1122/1123 Иван Иевлич действительно жил со своим братом (братьями?) на Черницыной улице в Людином конце. То есть или у него было две усадьбы на разных улицах (в двух концах), или он по какой-то причине оставил (продал?) свою загородскую усадьбу на Чудинцевой улице (не исключено, что после ее разгрома в 1418 г. во время восстания Степанки) и переехал (или вернулся?) на Черницыну, где и стал жить вместе с братом Илинархом (Иринархом).

¹⁶ ПСРА. Т. 3. С. 409.

¹⁷ Там же. С. 472.

¹⁸ Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. С. 104–105.

¹⁹ Здесь также названы степенной посадник Василий Есифович (Нос) (отец первого должника Прокопия Есифа Васильевича Носова (см. выше)) и тысяцкий Кузьма Терентьевич (Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. С. 104–105).

²⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 176.

Дело в том, что если Иван Иевлич изначально был людинским боярином (а предки его, возможно, прусскими – см. ниже), то совсем неудивительно, что он мог иметь усадьбу и на Чудинцевой улице, входящей во все тот же Загородский конец.

Ведь по аналогии образование другого «молодого» конца Новгорода – Плотницкого, сформировавшегося практически одновременно и в схожих обстоятельствах с Загородским во второй половине – конце XIII в., – сопровождалось городским освоением урочища Плотники²¹, в котором активно участвовало боярство юго-западной части Новгорода, то есть прусское и, возможно, людинское. Взять хотя бы уже упоминавшихся выходцев из пруссов – бояр из рода Михалковичей, которые как посадники в XIV–XV вв. представляли Плотницкий конец, хотя и сохраняли связи с Прусской улицей, а может быть, и свои усадьбы на ней [Дубровин, 2016, с. 152, 170–172].

По-видимому, аналогичная тенденция была присуща и ранней истории Загородского конца, где на улицах Загородья могли появиться новые дворы бояр прусской группировки.

Именно по этой схеме предки братьев Иевличей из берестяной грамоты № 1122/1123 – Обакуновичи, жившие на Черницыной улице²², – могли обзавестись усадьбами на Чудинцевой улице, где дядя И.И.1418 Богдан Обакунович в 1393 г. «съ своею братьею и с улицаны» построил каменный храм Св. Симеона Столпника²³.

Итак, следуя гипотезе о том, что отцом братьев Иевличей был боярин Иов Обакунович, можно говорить об их принадлежности к роду Обакуновичей (Рис. 5).

Несколько слов об этом боярском роде, специальному исследованию которого, опираясь на выводы В. Л. Янина по родословной росписи Кузьминых-Караваевых и Фефилатьевых [Янин, 1981, с. 118–156], посвятил свою работу В. Д. Северинов [Северинов, с. 73–77]. Род этот, по его мнению, восходит к одной из ветвей прусских бояр Михалковичей, основоположником которых был посадник Михалко Степанович (конец XII в.) [Северинов, с. 76]²⁴.

Что же касается непосредственно самих братьев Обакуновичей (6-е колено от Михалки), к которым принадлежал предполагаемый отец Иевличей Иов, то отцом этого семейства, по-видимому, был Обакун Твердиславич – по мнению В. Д. Северинова, брат Кузьмы Твердиславича (упом. 1331–1350 гг.) – новгородского боярина и известного дипломата [Северинов, с. 76]²⁵.

Характерно, что сам Обакун Твердиславич упоминается в летописях всего один раз – только в Комиссионном списке Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) – как новгородский посадник, получивший степень от оставившего посадничество по своей воле Онцифора Лукинича в 1354 г.²⁶, причем В. Л. Янин считал появление в этой статье Обакуна искусственной вставкой в указанный список, связанной с разными аспектами так называемой «реформы Онцифора Лукинича» [Янин, 2003, с. 271], и вообще называл его «небывалым боярином» [Янин, 2003, с. 278], то есть считал Обакуна Твердиславича как бы не существующим в качестве не только посадника, но и вообще исторической личности.

Однако вслед за В. Д. Севериновым, по-видимому, стоит признать существование если не новгородского посадника²⁷, то, по крайней мере, боярина Обакуна Твердиславича [Северинов, с. 76] – отца многочисленных братьев Обакуновичей, хорошо известных из письменных источников (Рис. 5).

²¹ Северная половина территории Плотницкого конца за Федоровским (Плотницким) ручьем.

²² Не исключено, что кто-то из них мог жить и на Прусской улице (см. выше).

²³ ПСРЛ. Т. 3. С. 385.

²⁴ Следует отметить, что к Михалковичам относится и плотницкая ветвь бояр, из которых происходил первый рассмотренный выше персонаж берестяной грамоты № 1122/1123 Есиф Васильевич Носов (см. выше).

²⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 343, 349–350, 352–353, 359–360, 362.

²⁶ Там же. С. 363–364.

²⁷ Здесь следует согласиться с В. Л. Яниным, принимая во внимание отсутствие Обакуна в посадничьих списках.

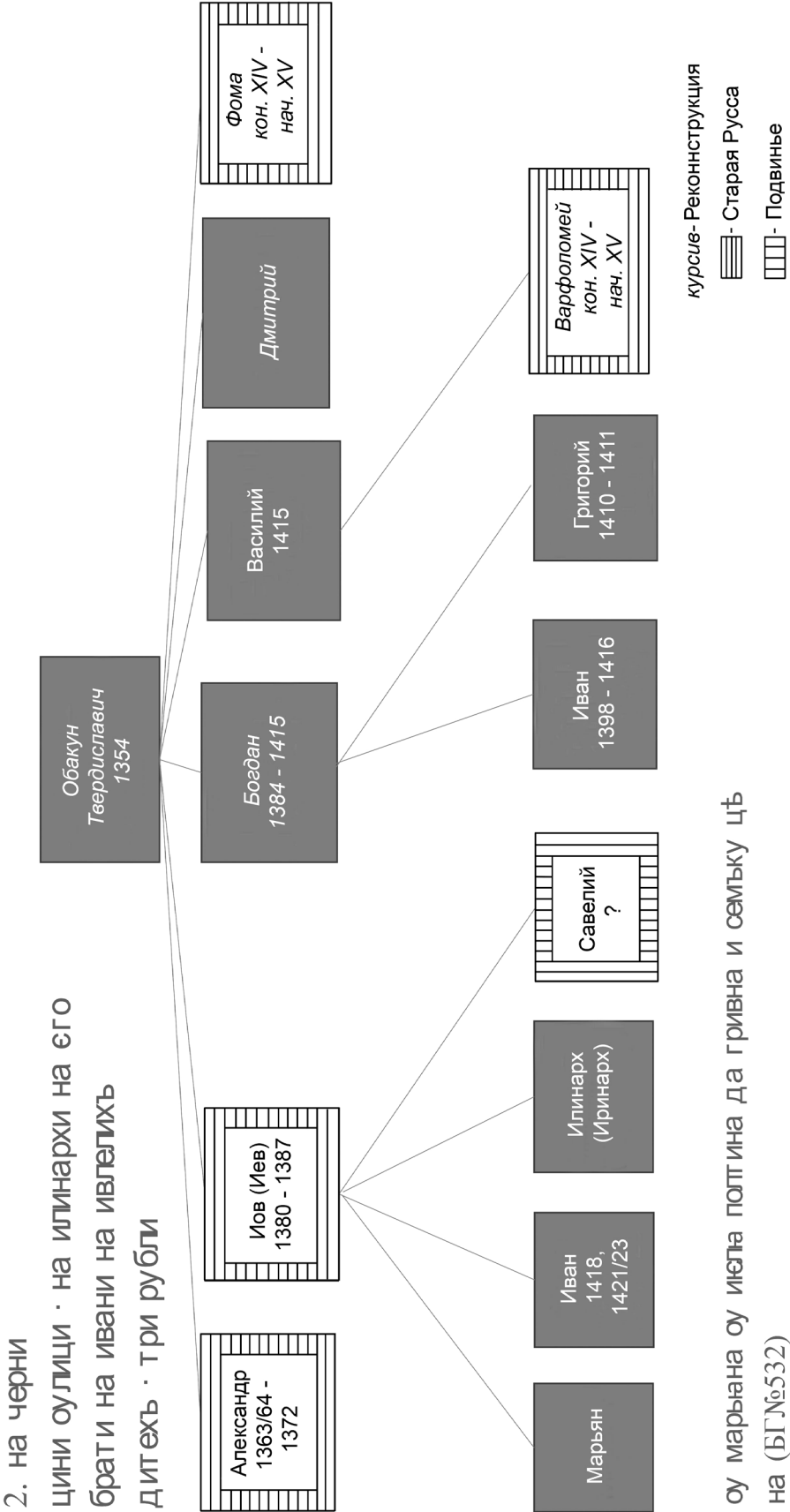

Рис. 5. Обакуновичи – потомки Обакуну Твердиславича

того, как уже было сказано выше, Богдан Обакунович построил каменный храм Св. Симеона на Чудинцевой улице (1391/1392 г.)²⁹.

После 1397 г., по версии В. А. Янина, Богдан принял постриг под именем Феодосия и умер в монастыре в 1415 г. Исследователь также предположил, что Богдан Обакунович являлся прототипом посадника Щила в одноименной повести [Янин, 1981, с. 147; Янин, 2003, с. 317–320].

У Богдана были два сына – Григорий (упом. 1410–1411 гг.)³⁰ и Иван (упом. 1398, 1416 гг.)³¹ Богдановичи – посадники и воеводы.

Следующий Обакунович – Дмитрий – известен только по своей именной печати, найденной на Никитинском раскопе и широко датирующей вторую половину XIV – рубежом XIV–XV вв. [Дубровин, 2010, с. 285; Гайдуков, Янин, 2007, с. 158].

В НПЛ упомянут также Василий Обакунович – боярин, ездивший в 1415 г. с владыкой Самсоном на поставление в Москву³² (см. ниже).

Однако перечисленными персонажами многочисленный список братьев Обакуновичей отнюдь не исчерпывается.

В 2012–2013 гг. на Курортном раскопе в Старой Руссе, располагавшемся на окраине средневекового города³³, в напластованиях середины XIV – первой половины XV в., был обнаружен уникальный комплекс из 46 актовых печатей и 10 заготовок³⁴ (Рис. 6).

Среди них 14 булл владычных наместников; 7 – новгородских тиунов (2 – Иова, по одной Нерона, Ивана, Оксентия, Леонтия, Семена (?)); 3 – русского посадника Фомы Обакуновича; 2 – Варфоломея Васильевича; по одной – великого князя Василия Дмитриевича, Александра Обакуновича, Иова Обакуновича, Матфея Захарьинича и Григория Селиверстовича [Торопова и др., 2014, с. 138]³⁵.

Как видим, довольно высокий процент этих печатей связан с Обакуновичами, причем, наряду с уже известными Александром и Иовом, буллы которых до этого были найдены в Новгороде [Янин, Гайдуков, 1998а, с. 102, 209, 210], здесь представлен тремя печатями новый персонаж, судя по всему, еще один их брат – русский посадник Фома Обакунович.

Поэтому с определенной долей вероятности можно предположить, что данный комплекс печатей мог быть связан с уничтоженным во время московского погрома Русы (в 1456 или 1471 г.?) семейным архивом кого-то из Обакуновичей (или же кого-то из их детей³⁶).

Более того, здесь встречены и 2 печати еще одного претендента на роль отца трех братьев Иевличей – тиуна Иова (см. выше). А нельзя ли предположить, что он и боярин Иов Обакунович – одно и то же лицо³⁷ (вариант IV)?

Ведь, по сути дела, ситуация с новгородскими тиунами конца XIII – начала XV в. остается не совсем ясной. В. А. Янин, отметив большое количество тиунских актовых печатей,

²⁹ ПСРА. Т. 3. С. 384–385, 390.

³⁰ Там же. С. 402. во время его степенного посадничества в 1410 г. произошла денежная реформа (вместо кун стали пользоваться «лопыци и гроши литовскими и артуги немецкими»).

³¹ Там же. С. 392, 406.

³² Там же. С. 406.

³³ Начало городского освоения этого участка, по мнению авторов раскопок, может быть отнесено к середине XIV в. [Торопова и др., 2014, с. 135].

³⁴ В основном они относились к VI ярусу застройки, погибшему в результате тотального пожара середины XV в. [Торопова и др., 2014, с. 135–137]. Авторы публикации [Торопова и др., 2013, с. 95] предположительно связывают его с захватом Русы московскими войсками в 1456 или 1471 г.

³⁵ Древности Новгородской земли: электронная база данных археологических находок / Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого: сайт. URL: <http://www.novsu.ru/archeology> (дата обращения: 21.01.2022).

³⁶ Например, представленный здесь двумя буллами Варфоломей Васильевич мог быть сыном Василия Обакуновича (см. выше). Тогда печати Обакуновичей в данном комплексе составят 16 % (7 из 46).

³⁷ Любопытно, что В. А. Янин допускал такое отождествление в одной из своих ранних работ [Янин, 1953, с. 110].

сначала отождествлял тиунов с купеческими старостами [Янин, 1970, с. 105–111], затем, после появления печатей купеческих старост, – с сотскими [Янин, Гайдуков, 1998а, с. 94–100]. При этом исследователь, исходя из того, что на подавляющем большинстве тиунских печатей нет отчеств их владельцев, полагал, что это является свидетельством того, что тиуны не принадлежали к боярскому сословию [Янин, Гайдуков, 1998а, с. 94]³⁸.

Однако почему бы не допустить, что должность тиуна, пусть и не самая высокая в новгородской управленческой иерархии, все-таки могла быть одной из начальных ступеней в политической карьере некоторых бояр? Здесь, по-видимому, следует вернуться к более широкому определению новгородских тиунов, сформулированному еще В. О. Ключевским [Ключевский, с. 390], как уполномоченных органов (представителей) посадника, в первую очередь в судах, но, вероятно, и не только, что функционально сближает их с княжескими тиунами, с поправкой, однако, на республиканские реалии Новгорода. А это не так уж и непрестижно. Поэтому вполне возможно, что такими представителями посадника, то есть новгородскими тиунами, могли быть и бояре.

Что же касается отсутствия отчеств на легендах большинства тиунских печатей³⁹, то здесь, вероятно, мы имеем дело с какой-то пока что непонятной традицией.

Таким образом, если допустить возможность отождествления тиуна Иова и боярина Иова Обакуновича, то получится:

1. Количество претендентов на то, чтобы быть отцом братьев Иевличей, сокращается до двух: тиуна и боярина Иова Обакуновича и двинского посадника Иова Тимофеевича.

2. Число печатей, связанных с Обакуновичами, из комплекса со старорусского Курортного раскопа увеличивается до 9, что составляет уже около 20 % из общего числа найденных там булл и подкрепляет гипотезу о том, что комплекс этот мог быть связан с уничтоженным во время московского погрома Русы архивом кого-то из Обакуновичей.

3. Связь Обакуновичей с Русой позволяет допустить ее традиционность, то есть поставить вопрос: а не был ли связан с этим городом отец братьев Обакуновичей – Обакун Твердиславич? Ведь если это было действительно так, то в какой-то степени можно объяснить упоминание Обакуна в качестве посадника во вставке в статью 1354 г. Комиссионного списка НПЛ (см. выше): он на самом деле мог быть посадником, но не новгородским, а русским, как впоследствии его сын Фома. Сама же вставка, подкрепленная пусть не новгородским, но все же посадничеством Обакуна Твердиславича, могла работать на повышение престижности семейства Обакуновичей и их потомков.

3) на костьки на онань
ини двѣ гривни · да
лубъ соли па[т]єрикє
да два полти ·

Фигурант этого отрывка Константин Онаньин (Ананьин), задолжавший Прокопию 2 гривны, пятерной короб соли и две полти мяса, исходя из возможности чередования имен в одном роде (отец (Константин) → сын/отец (Анания) → сын (Константин)), мог быть сыном тысяцкого Анании Константиновича, который в 1398 г. участвовал в посольстве и мирных

³⁸ В этом случае получается, что печати тиуна Тимофея Васильевича, найденные в Старой Руссе, а затем в Новгороде и Пскове [Янин, 1970, с. 205, № 649, 649], и булла его полного тезки посадника, обнаруженная в Новгороде на Троицком раскопе [Янин, Гайдуков, 2002, с. 169, № 589г, рис. 20], вопреки гипотезе А. Ф. Медведева о тождестве двух указанных персонажей [Медведев, с. 285–286], по В. Л. Янину оказываются принадлежащими разным лицам [Янин, 1970, с. 111].

³⁹ За двумя исключениями: уже упомянутый Тимофей Васильевич и Юрий (Георгий) Сбыславич [Янин, 1970, с. 97, 200, № 620а (конец XIII – начало XIV в.)].

переговорах с великим князем Василием Дмитриевичем⁴⁰, а в 1413/1414 г. в качестве степенного тысяцкого от имени Новгорода вместе с посадником Иваном Александровичем требовал у магистрата Колывани суда над колыванцем Иваном Мясо – должником новгородских купцов⁴¹.

В то же время о предполагаемом его сыне Константине письменные источники умалчивают.

4) на пугви
ци на си дѣтѣхъ ·
полтина · да коро
быа ржи ·

Персонажи с именами, сходными с Пугвицей, которая вместе с детьми задолжала Прокопию полтину и коробью ржи, встречаются в двинских актах, что позволяет допустить родственные (родовые?) связи между ними.

Это Пугва из грамоты ГВНП. № 234 второй половины XV в.⁴² (по В. Л. Янину – конец 10-х – начало 20-х гг. XV в. [Янин, 1991, с. 221]) и, по-видимому, его сын Григорий Пугвин из грамоты ГВНП. № 276⁴³ (первая половина 40-х гг. XV в. [Янин, 1991, с. 319])⁴⁴.

Пугва в грамоте № 234 (духовная Ивана Тойвита) предстает как зажиточный человек, который платит за низовцев в Курье⁴⁵ 10 рублей налога посаднику и тысяцкому – поралья⁴⁶, а кроме того, в тексте грамоты оговаривается возможность займа у него денег для выплаты того же поралья («... коли заняли у Пугвы...»)⁴⁷.

Любопытно, что в этой же духовной упоминаются связанный со сбором данного налога некий Савелий Иевлич⁴⁸, что отсылает нас снова к трем братьям Иевличам (см. выше), которые, вполне возможно, получают еще одного брата Савелия плюс дополнительный аргумент в пользу их связи с Двинскими землями. Особенно хорошо такая схема подходит для версии о том, что отцом Иевличей был двинский посадник Иов Тимофеевич (см. выше – вариант I).

Более того, в духовной Тойвита упоминается как получатель двинского поралья посадник Федор Тимофеевич, которого подтвердительная грамота Саввино-Вишерскому монастырю однозначно связывает со Славенским концом⁴⁹. А между тем и предполагаемого отца братьев Иевличей Иова Тимофеевича В. Л. Янин и А. С. Хорошев также относили к славенскому боярству [Янин, 2003, с. 506; Хорошев, с. 225], что, возможно, базировалось на предположении о том, что Федор и Иов Тимофеевичи были братьями⁵⁰. И по-видимому, неспроста именно посадник Федор Тимофеевич в 1386 г. ездил как раз в Заволочье для сбора 5000 рублей контрибуции для великого князя Дмитрия Ивановича⁵¹.

Как бы там ни было, но связь братьев Иевличей и автора завещания Прокопия (берестяная грамота № 1122/1123) с Двинскими землями и с персонажами из этих мест (Пугвица?, Пугва и т. д.) становится все более очевидной, что находит подтверждение и в следующем фрагменте текста этого документа.

⁴⁰ ПСРА. Т. 3. С. 393.

⁴¹ ГВНП. С. 94–95. № 56; датировка по В. Л. Янину [Янин, 1991, с. 102–103].

⁴² ГВНП. С. 253. № 234.

⁴³ Там же. С. 276. № 276.

⁴⁴ Последний выступает в купчей грамоте на землю в Курье в качестве послуха.

⁴⁵ Местность, связанная с Куростровом напротив Холмогор.

⁴⁶ Впрочем, на эту сумму претендует сам автор духовной Иван Тойвит (ГВНП. С. 253. № 234).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 148. № 91.

⁵⁰ Хотя прямой отсылки к этому обстоятельству мы у них не нашли.

⁵¹ ПСРА. Т. 3. С. 380; Т. 4. Ч. 1. С. 347.

5) на сести на м[о]е[и] на овдоѣ
тъи · полтина (· а) [прик]а.зъи
ваю зятю своему мартуш
шу ·

Эти два предложения следует рассмотреть вместе, так как, судя по всему, они имеют смысловую связь. Данный фрагмент текста берестяной грамоты можно трактовать следующим образом: Прокопий поручает выплатить долг (полтину) своей сестры Овдотьи ее мужу и, соответственно, своему зятю Мартушу⁵².

Д. В. Сичинава и А. А. Гишпиус обратили внимание на то, что имя Мартуш, весьма редкое, упоминается в двинских актах первой половины – середины XV в.: там встречаются два персонажа (братья) с отчеством Мартушове, то есть сыновья некоего Мартуша [Гишпиус, 2021].

Первый из них, Василий Мартушов, представлен в двух грамотах (ГВНП. № 159 и 160)⁵³, причем в первой из них говорится о продаже Василием земли своему братану (двоюродному брату) Матфею-Урвану Леонтьеву.

В другой грамоте (ГВНП. № 160) Василий упоминается вместе с Урваном уже как бывший владелец земли (на Круглице и на Плоской Веретее), проданной им Урвану (ГВНП. № 159), которую Урван, в свою очередь, перепродал игумену Чухченемского Никольского монастыря Василию.

Известны также родной брат Василия Петр Мартушов – он фигурирует в купчей грамоте ГВНП. № 175 как послух⁵⁴, и сын Матфея-Урвана – Лазарь Урванов – в купчей ГВНП. № 165 он «стоял на заводе», то есть занимался межеванием земель⁵⁵. Все эти грамоты по В. Л. Янину датируются 50-ми гг. XV в. [Янин, 1991, с. 329–331, 336].

Вернемся к самому Мартушу, отцу Василия и дяде Матфея-Урвана. Единственный персонаж из двинских грамот, который может быть с ним сопоставлен, – это дворянин (судебный пристав или позовник) Мартышко, который вместе со своим коллегой Матутой участвовал в судебном разбирательстве Леонтия Зацепина с княжеостровцами (ГВНП. № 132): «Се позва Левонтии Зачепин Савка и всих княжеостровцев на суд дворянином Матуто и Мартынком ...»⁵⁶. Данная грамота несколько более ранняя, чем упомянутые выше. Она датируется первой четвертью XV в. (до 1423 г.) [Янин, 1991, с. 302–303] (Рис. 7).

Если взять в качестве исходного положения связь Прокопия – автора завещания (берестяная грамота № 1122/1123) – с Двинскими землями, то среди двинских владычных наместников этого времени (то есть первой половины – середины XV в.) имеется Прокопий Филиппович, известный по своей печати, сохранившейся при купчей некоего Дементия на село в Кехте и участки в Вечуеве и Зимней тонях⁵⁷. Датировка этой грамоты – от второй четверти XV в. [Янин, 1970, с. 81; Андреев, с. 42, 44] до 60–70-х гг. XV в. [Янин, 1991, с. 344], хотя более вероятной кажется ранняя дата.

Таким образом, можно предположить, что новгородец Прокопий, он же Прокопий Филиппович (?), чей черновик завещания с долговым перечнем (берестяная грамота № 1122/1123) был найден на усадьбе в на Дмитриевском III раскопе в напластованиях первой

⁵² Производная от имени Мартин-Мартын.

⁵³ ГВНП. С. 205. № 159; С. 205–206. № 160.

⁵⁴ Там же. С. 215–216. № 175.

⁵⁵ Там же. С. 208–209. № 165.

⁵⁶ Там же. С. 188. № 132.

⁵⁷ Там же. С. 219. № 180.

половины (после 1420 г.) – середины XV в., во второй четверти XV в. (?), по-видимому, исполнял должность двинского владычного наместника.

Его деятельность зафиксирована в районе Княжострова, Холмогор и Чухченемского Никольского монастыря. В этих местах он, вероятно, имел контакты с местным судебным приставом (дворянином, позовником) Мартушом-Мартынкой, за которого была выдана сестра Прокопия Овдотья. Последней ко времени составления завещания (берестяная грамота № 1122/1123) уже не было в живых, поэтому полтина ее долга брату Прокопию перешла на ее мужа (зятя Прокопия) Мартуша.

При этом среди остальных должников Прокопия (Филипповича?) имеются также связанные с Подвиньем Пугвица и братья Иевличи. Причем отец последних по версии I (см. выше) – боярин Иов Тимофеевич – в первой четверти XV в. сам был двинским посадником, а один из братьев – Савелий Иевлич – в 10–20-е гг. XV в. занимался в Подвинье в районе Холмогор сбором поралья.

5. на сести на м[о]ѣ[и] на Ѡвдо
ты · полтина (· а) [прик]азы
ваю затю своему марту
шу ·

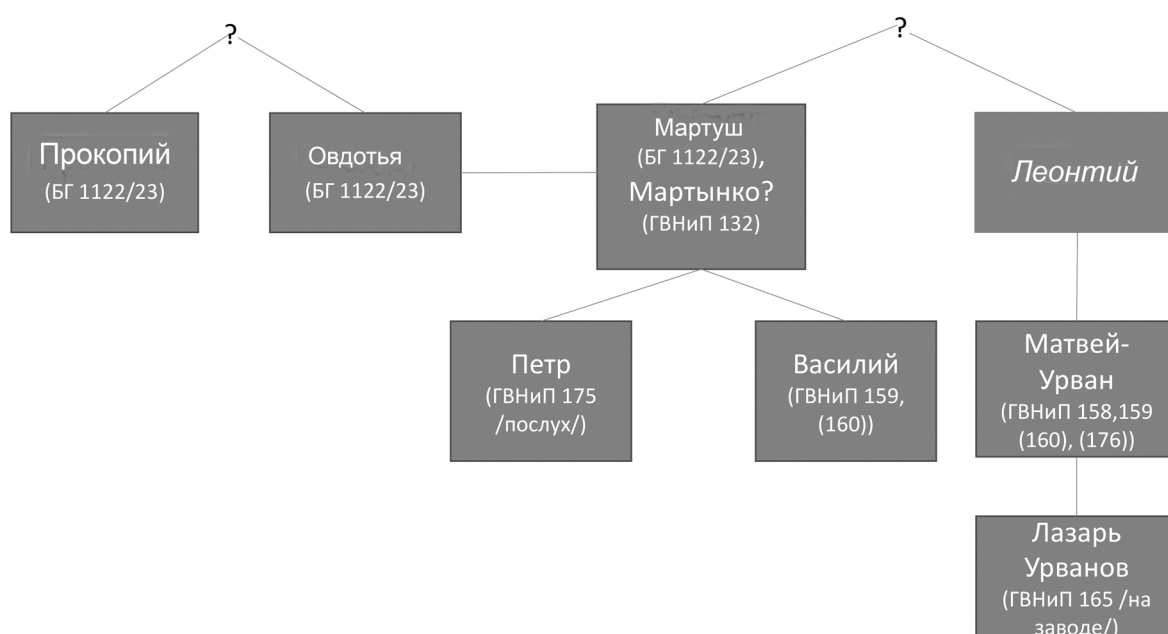

Рис. 7. Мартуш – зять Прокопия

Выводы

Можно предложить две версии гипотетической идентификации персонажей черновика завещания Прокопия, представленного в берестяной грамоте № 1122/1123.

Общее для двух версий (пп. 1–5):

1. Автор завещания Прокопий – двинский владычный наместник Прокопий Филиппович. Среди его должников, поддающихся возможной идентификации:
 2. Есип Васильев – плотницкий боярин и воевода Есиф Васильевич Носов;
 3. Костька Онаньин – вероятно, сын новгородского тысяцкого Анании Константиновича;
 3. Путвица с детьми – по-видимому, была связана с Двинскими землями и имела там сородичей: Пугву и его сына Григория Пугвина;
 4. Овдотьа, сестра Прокопия Филипповича (?), была замужем за Мартушом-Мартынкой, двинским дворянином (судебным приставом, позовником), к которому по смерти (?) жены перешел ее долг брату; известны жившие в Подвинье сыновья Мартуша: Петр и Василий Мартушове, а также его братан Матвей-Урван Леонтьев с сыном Лазарем Урвановым.
 5. Братья Илинарх (Иринарх) и Иван Иевлевы, жившие на Черницыной улице; вероятно, у них был еще один брат Марьян (по берестяной грамоте № 532 с Дмитриевского I раскопа).
- Варианты родственных связей этих братьев отличают две представленные ниже версии.

Версия 1

Отец братьев Иевлевых – новгородский боярин и двинский посадник Иов Тимофеевич.

Эта версия в наибольшей степени соответствует общей «двинской ориентации» берестяной грамоты № 1122/1123. Она также позволяет предположить наличие еще одного брата Иевлича – Савелия, который занимался сбором поралья в Подвинье.

Версия 2

Отец братьев Иевличей – Иов Обакунович, принадлежавший к известному семейству новгородских бояр. Можно предположить, что он и хорошо известный по многочисленному сфрагистическому материалу тиун Иов – одно и то же лицо.

По археологическим свидетельствам семейство Обакуновичей было связано с Русой, а отец этого семейства Обакун Твердиславич мог быть русским посадником.

В соответствии с этой версией, можно отождествить персонажа грамоты № 1122/1123 Ивана Иевлича с его полным тезкой, принадлежавшим к роду Обакуновичей загородским боярином и посадником, который, вероятно, был ктиторм церкви Иоанна Милостивого в Вознесенском монастыре на Мячине. По-видимому, после разгрома его двора на Чудинцевой улице во время восстания Степанки Иван Иевлич переселился к брату Илинарху (Иринарху) на Черницыну улицу, что и находит свое отражение в завещании Прокопия.

Литература

- Абакумович Александр // сайт Арктика.info. URL: <http://arctika.info/osvoenie/issledovateli/abakumovich-aleksandr> (дата обращения: 21.01.2022).
- Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986. 144 с.
- Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961. 395 с.
- Гайдуков П. Г., Янин В. Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2004. Вып. 18. С. 137–160.

- Гайдуков П. Г., Янин В. Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2007. Вып. 21. С. 138–164.
- Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль. 700 лет истории. Великий Новгород, 2017. С. 25–36.
- Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 66–92. DOI 10.31857/0373-658X.2021.5.66-92
- Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010. 336 с.
- Дубровин Г. Е. Плотницкий конец средневекового Новгорода. М., 2016. 608 с.
- Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 1. 573 с.
- Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // Советская археология. 1967. № 3. С. 265–286.
- Побережников И. В. Походы новгородцев в Северное Зауралье в XII–XV вв. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 666.
- Северинов В. Д. Боярский род Обакуновичей в Загородском конце // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2000. Ч. 1. С. 73–77.
- Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Колосницын П. П., Торопов С. Е. Курортный раскоп и спасательные археологические исследования в Старой Руссе в 2012 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2013. Вып. 27. С. 90–96.
- Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Археологические исследования в Старой Руссе в 2013 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2014. Вып. 28. С. 129–138.
- Федорова Н. В. Русь и Югра: история взаимоотношений (XII–XIII вв.) // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 119–121.
- Хорошев А. С. Иов Тимофеевич // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 225.
- Янин В. Л. Печати новгородских тиунов как исторический источник // КСИИМК. М., 1953. Т. 52. С. 106–111.
- Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. 367 с.
- Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. 296 с.
- Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. 383 с.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. 512 с.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. 500 с. [Янин, Гайдуков, 1998a]
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 338–355. [Янин, Гайдуков, 1998b]
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 283–314.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2001. Вып. 15. С. 179–197.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2002. Вып. 16. С. 154–173.

References

- Abakumovich Aleksandr [Abakumovich Alexander]. Arktika.info [web-site]. URL: <http://arctika.info/osvoenie/issledovateli/abakumovich-aleksandr> (accessed January 21, 2022).
- Andreev, V. F. Novgorodskii chastnyi akt XII–XV vv. [Novgorod Private Act of the 12th – 15th Centuries]. Leningrad, 1986. 144 p.
- Bernadskii, V. N. Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke [Novgorod and the Novgorod Land in the 15th Century]. Moscow, 1961. 395 p.
- Dubrovин, G. E. Nikitinskii raskop v Novgorode [Nikitinsky Excavation Site in Novgorod]. Moscow, 2010. 336 p.
- Dubrovин, G. E. Plotnitskii konets srednevekovogo Novgoroda [Plotnitsky End of Medieval Novgorod]. Moscow, 2016. 608 p.
- Fedorova, N. V. Rus' i Yugra: istoriya vzaimootnoshenii (XII–XIII vv.) [Rus and Ugra: The History of Relations (12th – 13th Centuries)]. In Russkie starozhily. Materialy III Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri". Tobolsk; Omsk, 2000. Pp. 119–121.
- Gaidukov, P. G., Yanin, V. L. Drevnerusskie vislye pechati, zaregistrovannye v 2003 g. [Old Russian Hanging Seals, Registered in 2003]. In Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii. Velikii Novgorod, 2004. Issue 18. Pp. 137–160.
- Gaidukov, P. G., Yanin, V. L. Drevnerusskie vislye pechati, zaregistrovannye v 2006 g. [Old Russian Hanging Seals, Registered in 2006]. In Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii. Velikii Novgorod, 2007. Issue 21. Pp. 138–164.
- Gippius, A. A. Berestyanaya gramota No. 1072 i denezhno-vesovye sistemy srednevekovogo Novgoroda [Birch Bark Letter No. 1072 and Monetary and Weight Systems of Medieval Novgorod]. In Rossiiskii rubl'. 700 let istorii. Velikii Novgorod, 2017. Pp. 25–36.
- Gippius, A. A. Berestyanye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2020 g. [Birchbark Letters from Veliky Novgorod Excavations of the year 2020]. In Voprosy yazykoznaniya. 2021. No. 5. Pp. 66–92. DOI 10.31857/0373-658X.2021.5.66-92
- Khoroshev, A. S. Iov Timofeevich [Job Timofeyevich]. In Velikii Novgorod. Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov. Entsiklopedicheskii slovar'. Saint Petersburg, 2007. P. 225.
- Klyuchevskii, V. O. Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii v trekh knigakh [Russian History. A Complete Course of Lectures in Three Books]. Moscow, 1993. Book 1. 573 p.
- Medvedev, A. F. Iz istorii Staroi Russy [From the History of Staraya Russa]. In Sovetskaya arkheologiya. 1967. No. 3. Pp. 265–286.
- Poberezhnikov, I. V. Pokhody novgorodtsev v Severnoe Zaural'e v XII–XV vv. [The Campaigns of the Novgorodians in the Northern Trans-Urals in the 12th – 15th Centuries]. In Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. Novosibirsk, 2009. Vol. 2. P. 666.
- Severinov, V. D. Boyarskii rod Obakunovichei v Zagorodskom kontse [The Boyar Family of Obakunovich in the Zagorodsky End]. In Proshloe Novgoroda i Novgorodskoi zemli. Velikii Novgorod, 2000. Part 1. Pp. 73–77.
- Toropova, E. V., Samoilov, K. G., Kolosnitsyn, P. P., Toropov, S. E. Kurortnyi raskop i spasatel'nye arkheologicheskie issledovaniya v Staroi Russe v 2012 godu [Kurortny Excavation Site and Rescue Archaeological Research in Staraya Russa in 2012]. In Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii. Velikii Novgorod, 2013. Issue 27. Pp. 90–96.
- Toropova, E. V., Toropov, S. E., Samoilov, K. G., Kolosnitsyn, P. P. Arkheologicheskie issledovaniya v Staroi Russe v 2013 g. [Archaeological Research in Staraya Russa in 2013]. In Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii. Velikii Novgorod, 2014. Issue 28. Pp. 129–138.
- Yanin, V. L. Pechati novgorodskikh tiunov kak istoricheskii istochnik [Seals of Novgorod Tiuns as a Historical Source]. In Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury. Moscow, 1953. Vol. 52. Pp. 106–111.
- Yanin, V. L. Aktovye pechati drevnei Rusi X–XV vv. [Act Seals of Old Rus of the 10th – 15th Centuries]. Moscow, 1970. Vol. 2. 367 p.
- Yanin, V. L. Novgorodskaya feodal'naya votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie) [Novgorod Feudal Patrimony (Historical and Genealogical Research)]. Moscow, 1981. 296 p.

- Yanin, V. L. Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskii kommentarii [Novgorod Acts of the 12th – 15th Centuries. Chronological Commentary]. Moscow, 1991. 383 p.
- Yanin, V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod Posadniks]. 2nd edition. Moscow, 2003. 512 p.
- Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. Aktovye pečati drevnei Rusi X–XV vv. [Act Seals of Old Rus of the 10th – 15th Centuries]. Moscow, 1998. Vol. 3. 500 p. [Yanin, Gaidukov, 1998a]
- Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrovannye v 1997 g. [Old Russian Hanging Seals, Registered in 1997]. In Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii. Novgorod, 1998. Issue 12. Pp. 338–355. [Yanin, Gaidukov, 1998b]
- Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrovannye v 1998–1999 gg. [Old Russian Hanging Seals, Registered in 1998–1999]. In Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii. Velikii Novgorod, 2000. Issue 14. Pp. 283–314.
- Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrovannye v 2000 g. [Old Russian Hanging Seals, Registered in 2000]. In Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii. Velikii Novgorod, 2001. Issue 15. Pp. 179–197.
- Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrovannye v 2001 g. [Old Russian Hanging Seals, Registered in 2001]. In Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii. Velikii Novgorod, 2002. Issue 16. Pp. 154–173.

Gennady E. Dubrovin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexey V. Vyazemsky

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Konstantin M. Denisevich

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

COMMENTS TO THE BIRCH BARK DOCUMENT No. 1122/1123
FROM THE DMITRIEVSKY III EXCAVATION SITE IN NOVGOROD

The proposed article attempts to identify the characters mentioned as debtors in the birch bark document No. 1122/1123 of the first half of the 15th century, which is a draft will of a certain Procopius. Among them, historical figures known from chronicles, act and sphragistic materials are identified. The connection between the author of the will and some of his debtors with the Dvina lands has been established.

Keywords: a birch bark document, Novgorod, a draft will, the Dvina lands